

Д. РОУ

СКОРБНЫЙ
УРОЖАЙ

Издательство АСТ
Москва

Действующие лица

Элис Олкотт — хозяйка яблоневого сада.

Семья Тендер

Бетси Тендер, племянница Элис Олкотт, домохозяйка.

Уилф Тендер, муж Бетси, агент по продаже недвижимости.

Крис Тендер, их сын, школьный учитель.

Сьюзен Тендер (Сонси), его жена, медсестра.

Анна Трелор, дочь Бетси и Уилфа, модель.

Дэмиен Трелор, муж Анны, торговец антиквариатом, живет отдельно от жены.

Родни Тендер, младший сын Бетси и Уилфа, старшеклассник.

Другие гости

Джереми Дарси, друг Криса Тендера, журналист.

Кейт Делейни, его жена, литературный редактор.

Зои Дарси, их семилетняя дочь.

Верити Бердвуд (Берди), подруга Кейт, сотрудник телерадиокомпании.

Ник Бедфорд, друг Криса и Джереми, преподаватель университета.

Джилл Мишн, гражданская жена Ника, литературный редактор.

Скорбный
урожай

Соседи

Тереза Салливан, владелица магазина изделий ручной работы.

Нел Салливан, ее дочь-младенец.

Полиция

Саймон Тоби, сержант криминальной полиции.

Мартин Макглинчи, констебль криминальной полиции.

Глава 1

В ЯБЛОНЕВЫЕ КРАЯ

— **Д**умаю, в нынешнем году там снова будет большое собрание, — горестно застонал Джереми. — Все семейство Тендер от мала до велика... Боюсь, я старею, Кейт, мне этого не выдержать.

Кейт рассмеялась над словами мужа, сгорбившегося за рулем.

— Ты говорил то же самое и в прошлом году, и в позапрошлом! Но в итоге всегда оставался довольным. Не понимаю, почему ты все время жалуешься! В конце концов, Крис — один из твоих старейших друзей.

— Может, и так. Но это не значит, что я должен потакать всем чудачествам его безумной семейки, правда? То есть карабкаться по горам и корячиться в саду его двоюродной бабушки.

— Да ладно тебе! Бедная старушка Элис... И потом, это происходит только раз в год! К тому же раньше тебе нравилось собирать яблоки.

— Да... но... — вздохнул Джереми. — Теперь все не так, верно? Даже Крис уже не тот. С годами у нас становится все меньше общего, мы ощущаем это всякий раз, когда встречаемся. Думаю, если бы мы сказали, что в нынешнем году не сможем приехать, он не стал бы возражать.

— А Бетси стала бы. Ей очень хочется снова собрать всю «старую братию», как она выразилась. — Кейт

улыбнулась своим мыслям. — Знаешь, она так расчувствовалась, когда мы говорили по телефону. Сказала — вы с Крисом всегда были близки, словно братья, и поэтому ты для нее все равно что сын.

— О, боже упаси!

— Подумай о моем положении. Выходит, она мне вроде как свекровь, что неизмеримо хуже. — Кейт покачала головой. — Ох уж эта Бетси! Хотя Зои ее любит.

— В семь лет дети всех любят.

— Ничего подобного. Зои способна смертельно ненавидеть. Но Бетси знает подход к детям.

Кейт взглянула на заднее сиденье. Зои чуть покачивалась от тряски, пристегнутая ремнем к креслу. Глаза ее были закрыты, в руках лежала книга «Тайна волшебного дерева»^{*}.

— Все еще спит. Впрочем, неудивительно. Вчера Зои не могла уснуть до одиннадцати, все предвкушала сегодняшнюю поездку. Она обожает дом Элис. Не ворчи, Джереми, все пройдет не так уж плохо. Там будут Ник и Джилл, как всегда. Бетси не даст им увильнуть. Подумай о бодрящей утренней свежести, о налитых соком яблоках в туманной дымке и о влажной траве, хрустящей под сапогами... Красота!

— И пивяки, которые жаждут крови...

— Ох, и правда! Я совершенно о них забыла. Господи, надо напомнить об этом Зои.

— Да уж.

Кейт притихла, окинула взглядом долины, лежавшие в голубоватых туманных складках гор, и зябко поежилась. Становилось холоднее.

Машина летела вперед, пересекая удлиняющиеся тени и следуя извивам дороги, которая взбиралась все выше и выше — в яблонево-красный край.

Анна втащила сумку в розовую спальню и поставила на стул в углу. В пыльное окно, выходившее на закрытую веранду, пробивались скупые лучи предза-

^{*} Роман (1946) английской детской писательницы Энид Блайтон (1897–1968). — *Здесь и далее примеч. пер.*

катного солнца. Вдохнув знакомый запах старой комнаты, она вновь почувствовала себя ребенком. Анна всегда занимала розовую спальню, когда семья приезжала в дом тети Элис на ежегодный сбор яблок, если не считать прошлого года... Но об этом она предпочитала не вспоминать. Анна опустилась на кровать, застеленную выцветшим, из набивного ситца, покрывалом с оборками, и оглядела спальню. Розовые розы на тонком коврикe еще не поблекли. Такие же прекрасные цветы тянулись по узкому бордюру обоев. Розовые розы и зеленые листья, розовый и зеленый, зеленый и розовый. В детстве Анна любила, свернувшись калачиком, нежиться в постели холодным утром и считать розы. Трудно было не сбиться со счета. Она вечно забывала, где остановилась, и приходилось начинать заново. Роз было тридцать шесть. Она окончательно убедилась в этом в двенадцать лет.

Анна взглянула на свое отражение в зеркале гардероба. Теперь ей было уже не двенадцать, а в два раза больше. Из зеркала на нее смотрела не девочка с челкой и хвостиком, а молодая женщина с копной темных волос, большими карими глазами и точеными чертами лица. Анна охотно признавала свою красоту. В конце концов, этим она зарабатывала на жизнь. Ее работа моделью заключалась в том, чтобы быть красивой. «И так повелось задолго до того, как мне стали платить за это деньги», — с грустью подумала она.

— Дорогая! — послышался голос матери.

Анна поспешно вскочила с кровати, словно ее застучали за неблагоприятным занятием.

— Когда освободишься, можешь помочь мне прибраться в комнате Кристофера?

— Да, мама... Я буду через минуту.

Она торопливо сорвала с кровати покрывало и тонкие серые одеяла и принялась стелить розовые простыни, которые приготовила мать. Как это похоже на маму: розовое постельное белье для Анны в розовую спальню.

Она склонилась над кроватью, чтобы заправить простыню у стены. Ей не пришлось далеко тянуться — кровать была узкой. Настоящая девичья постель, угрю-

мо отметила про себя Анна. В прошлом году она впервые спала не здесь, а на закрытой веранде, на широком матрасе, вместе с Дэмиеном. Супружеской паре полагалась двуспальная постель, пусть даже на выходные. Мать твердо придерживалась этого правила, хотя решительно не одобряла брак дочери.

Но то было в прошлом году. Теперь же Дэмиен ушел, а Анна... вернулась в розовую спальню.

Она выскользнула из комнаты и вышла на закрытую веранду, огибавшую дом с трех сторон. В правом крыле, где часть веранды отделяла грубая фибролитовая перегородка, Бетси неуклюже пыталась застелить двуспальный матрас на полу простыней в голубую полоску. Старый гардероб, готовый заменить собой четвертую стену, дожидался, когда его придвинут к матрасу. Анна усмехнулась. В этом году супружеское ложе предоставили ее брату Крису и его молодой жене. Что ж, жизнь шла своим чередом.

— Давай скорее, дорогая. Я умираю, как хочу чаю.

— Мама, почему бы им самим не застелить себе?

— О, я хочу, чтобы к их приезду все было готово. Уж я-то знаю, как живет Кристоферу с этой бедной малышкой Сью. Думаю, он будет в восторге, если ему в кои-то веки приготовят постель и для разнообразия позволят понежиться на чистых простынях. В самом деле, эта женщина понятия не имеет, как вести хозяйство!

Они расстелили простыню, расправили и начали укладывать одеяла. Бетси не умолкала:

— В их доме вечный беспорядок: повсюду разбросана одежда, в раковине горы грязной посуды. Ты же знаешь, какой Кристофер брезгливый. Должно быть, для него все это сушая пытка! Я страшно беспокоюсь за него.

— Если Криса так огорчает бардак, ему ничто не мешает убраться, верно? — раздраженно возразила Анна и добавила после небольшой паузы: — Дэмиен всегда помогал мне по хозяйству. — Ей стоило усилия даже произнести его имя.

Мать выпрямилась и посмотрела на дочь.

— Дорогая, но ты ведь, конечно, не считаешь Дэмиена примером для подражания — после всего, через что тебе пришлось пройти по его милости?

— Нет. Видит бог, я вообще не собиралась упоминать о нем: лишь хотела сказать, что Сонси все дни проводит в больнице и часто дежурит в ночную смену, верно? — то есть работает не меньше, чем Крис.

— Ну, не знаю, Анна. Конечно, Сонси устает: ведь она занимается физическим трудом, и в этом нет ничего плохого, — но Кристофер работает головой, а это гораздо больше выматывает. Он сам это признает. Нельзя ожидать, что он взвалит на себя хлопоты по дому, после того как целый день преподавал. Кристофер, бедняжка, как-то обмолвился, что выбивается из сил. Не то чтобы он жаловался... Он очень предан Сью. — Бетси протяжно вздохнула.

— Мама, может, Сонси и не слишком умна, но... обожает Криса. Она...

— Ах, дорогая, я вовсе не осуждаю невесту. Пожалуйста, не думай так. Боже упаси, это не мое дело! И я действительно по-своему люблю ее. Думаю, она искренне старается. Но ей не посчастливилось родиться в хорошей семье, и не скажу, чтобы она особенно стремилась перенять чужой опыт, измениться, чтобы разделить с Кристофером жизнь, которую он всегда хотел для себя. Брак предполагает равноправное партнерство, Анна. Он строится на основе взаимных уступок и компромиссов. Мне так жаль, что...

— Да, мама, я знаю! — оборвала мать Анна, не в силах вынести ее разглагольствований. К тому же, судя по всему, Крис действительно сожалел о своем браке. И что бы ни говорила Бетси, они с сыном явно обсуждали его семейную жизнь.

Они прикрыли постель пестрым вязаным пледом, а затем подвинули гардероб, оставив место для прохода. У стены возле матраса стояла тумбочка, накрытая кружевной салфеткой. На ней красовалась вазочка с букетом полевых цветов. Еще один маленький знак внимания: мол, добро пожаловать, милые Крис и Сонси. Такая же вазочка с цветами стояла в комнате Анны. Поистине мама была неумоима.

— Кажется, на вид здесь довольно уютно, правда? — произнесла Бетси, с удовлетворением оглядывая крохотную импровизированную спальню.

Анна вдруг ощутила к матери прилив нежности. Бетси выбивалась из сил и делала так много, а они принимали это как должное. Она искренне тревожилась обо всех: о пожилom папе, чьи дела пришли в упадок, об Анне, запутавшейся в своих отношениях с Дэмиеном, о нескладном подростке Родни, а теперь еще и о Крисе с маленькой глупышкой Сонси*. Боже, даже прозвище невестки звучало как-то по-детски. Бетси выглядела ухоженной и элегантной, как всегда, но теперь, смягчившись, Анна заметила у нее тонкие морщинки вокруг глаз и у рта. Мать внезапно показалась ей чуть более старой, чуть более усталой. Неудивительно, ведь Бетси была столпом, на котором держалось все шаткое здание семейного храма.

Анна шагнула к матери и обняла ее за плечи.

— Бедная мама, так переживать за нас. Слушай, заварю-ка я нам чаю, а потом займусь комнатой для Кейт и Джереми.

Бетси с благодарностью посмотрела на дочь.

— Это было бы чудесно.

Проходя по веранде в сторону холла, Анна обронила:

— Жаль, что веранда застекленная, правда? Дом выглядел бы намного лучше, будь она открытой.

— Да, наверное. Конечно, тетушке Элис места хватает с избытком, ведь она живет здесь совсем одна, но когда мы приезжаем на сбор урожая яблок, в доме бывает тесновато. Как бы мы все поместились здесь, не будь у нас застекленной веранды? Одно крыло займут Кристофер со Сью, другое — Родни, а здесь, в средней части, найдется место для Ника и Джилл.

Анна бросила взгляд на две раскладушки, чинно стоявшие вдоль стены. Ник и Джилл прожили в гражданском браке столько же, сколько Кейт и Джереми, то есть лет двенадцать-тринадцать, однако официально были не женаты, а потому им полагалось спать порознь. Может, дом и принадлежал Элис Олкотт, но ежегодный сбор урожая яблок был спектаклем Бетси Тендер: она распределяла роли, и выбранные ею актеры играли по ее правилам.

* Сонси — хорошенькая, пухлая (от *англ.* sonsy).

В темный холл выходили двери всех комнат. Бетси с Уилфом всегда занимали большую спальню слева, которая когда-то принадлежала родителям тетушки Элис. Бетси рассказывала дочери, что, будучи ребенком, всегда восхищалась этой комнатой, казавшейся ей роскошной и величественной. Анна смутно помнила, что в детстве тоже слегка благоговела перед большой спальней, в основном потому, что, если верить семейному преданию, после смерти отца Элис под кроватью, в тайнике под половицей, нашли жестяную коробку с его завещанием и кучей соверенов. Теперь загроможденная мебелью комната выглядела мрачной и унылой. Тускло освещенная, с огромной дубовой кроватью в одном конце и массивным резным гардеробом — в другом, она тянулась вдоль всего холла. Только перед входом в гостиную располагалась небольшая ниша, где находился бельевого шкафа. Там, окутанные запахом нафталина, высились стопки льняных простыней, вышитых скатертей и наволочек с кружевами и обтяжными пуговицами.

Справа помещались две спальни — обиталище Анны и небольшая комнатка, в которой всю ближайшую неделю предстояло уютиться Кейт, Джереми и Зои. Эту комнату всегда называли китайской спальней — из-за фонариков, украшавших широкий бордюр на обоях. Раньше ее занимала тетушка Элис, но несколько лет назад она устроила себе спальню в задней части дома, отделив часть веранды перегородкой.

— Интересно, почему тетя Элис переехала из своей комнаты? Здесь гораздо теплее, чем на веранде, — с любопытством заглянула в открытую дверь Анна.

— Ох, это одному богу известно! — вздохнула Бетси. — Она вроде говорила, что хочет любоваться яблонями, ведь окна там выходят в сад. Знаешь, дорогая, тетя Элис и вправду становится... чудаковатой. Меня беспокоит, что она надолго останется здесь совсем одна. На этой неделе попробую убедить ее переехать в Сидней — там я смогу присматривать за ней.

Они прошли через захламленную гостиную и повернули направо — в кухню. Анна наполнила чайник и обвела взглядом горы домашних мелочей, копившихся

здесь на протяжении жизни нескольких поколений. На стене рядом со старым железнодорожным расписанием примостился календарь времен коронации Елизаветы, а возле старой печи на крюке висел чугунный котелок. «Хоть одна стоящая вещь», — подумала Анна. Старинная посуда сохранилась, должно быть, с незапамятных времен. Ей вдруг стало обидно за Элис.

— Мама, она прожила здесь всю жизнь. Тетя Элис ни за что не переедет.

— Ей придется переехать, Анна. Это единственный выход. Дом для нее слишком велик. Господи, ты только посмотри на эту кухню, или на жуткую ванную со сгнившим полом, или на кладовую. Тетя Элис просто обязана образумиться. Думаю, ей будет комфортнее в маленькой уютной квартирке в Сиднее. Главное, чтобы из окна открывался хороший вид. А здесь она даже не знает, где что лежит. Спрашиваешь ее о чем-нибудь, а она в ответ только пожимает плечами или отправляет тебя бог знает куда. Мы с твоим отцом избавимся от лишнего хлама и превратим это место в чудесный загородный дом, где сможет отдыхать вся семья. Бедняжка Родни! Школьные друзья постоянно приглашают его в свои летние пляжные домики или горные коттеджи, а он не может ответить им тем же. Так что все останутся довольны. С какой стороны ни посмотри, это наилучшее решение.

Бетси о чем-то задумалась, на губах заиграла легкая улыбка. «Кажется, можно услышать, как крутятся шестеренки у нее в голове», — подумала Анна. Бетси была великой мастерицей строить планы. Стоило ей что-то задумать, и она считала свой замысел делом решенным. Разумеется, Бетси ожидала, что остальные безропотно подчинятся: и самое забавное, обычно так и бывало, — но Анна подозревала, что в Элис Олкотт мать найдет достойного противника. Да, тетюшка Элис была твердым орешком.

Элис Олкотт уселась на веранде, позволив мыслям течь как им заблагорассудится. Сколько лет она сидит здесь в предзакатные часы с газетой или книгой и наблюдает, как растут яблони? Сколько же лет? Да всю

жизнь. Она родилась в этом доме восемьдесят лет назад. Здесь, на дощатом полу в холле и гостиной, училась ходить.

Элис росла вместе с яблонями, согретая горным солнцем и закаленная горной прохладой. Течение ее жизни подчинялось неторопливой смене времен года: за холодной зимой, когда голые ветви яблонь гнулись под ветром, приходила волнующая весна с ее хрупкими нежными цветами и пчелами, потом наступало зеленое лето и наконец осень, когда ветви деревьев тяжелели от яблок, светившихся алым в утренней и вечерней туманной дымке.

С годами яблони постарели, стали кривыми и согнулись к земле, как и сама хозяйка дома. Элис давно уже не сажала молодые деревца. Пять лет назад она продала часть земли новым соседям, поскольку денег не хватало, а поддерживать сад становилось все труднее. Но ближайшую к дому часть сада Элис не собиралась продавать. Она не расстанется с яблонями, пока жива. А потом... что ж, потом Бетси добьется своего.

Элис услышала за спиной голоса, доносившиеся из гостиной, и, опустив голову на грудь, задышала медленно и ровно.

Из приоткрытой двери послышался шепот Анны:

— Тетя Элис спит, мама.

— Бедная старушка... тогда оставь ее, пусть подремлет, — отозвалась Бетси. — В последнее время она действительно очень...

Дверь, щелкнув, закрылась.

Элис Олкотт продолжала сидеть с опущенной головой.

Значит, «бедная старушка». Она стиснула зубы. Как ей выдержать эту неделю? Бетси в самом деле стала совершенно невыносимой. Хотя, если подумать, она никогда по-настоящему не любила племянницу, внезапно пришло ей в голову. Еще ребенком та вечно норовила командовать. И все-то она знала лучше других. Даже тогда. А уж теперь... О боже!

Элис раздраженно заерзала в кресле и приоткрыла глаза. Яблони расплывались в золотистом тумане. И все же Бет — дочь ее покойной сестры Лили —